

В.Н. Давыдов

**БОРЬБА С ХИЩНИКАМИ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ
ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ОЛЕНЕВОДОВ:
ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ
НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ
(по результатам полевых исследований 2007–2012 гг.)**

В данной статье представлены материалы полевых исследований, проводившихся на Северном Байкале в июне–августе 2012 г., а также материалы 2007–2009 гг. В общей сложности автор провел на Северном Байкале 13 месяцев. Полевая работа среди северобайкальских эвенков летом 2012 г. финансировалась из средств МАЭ РАН и проекта “Arctic Domus” (грант Европейского научного совета ADG 295458). Основными задачами исследования были сбор полевых материалов о повседневных практиках современных оленеводов, а также изучение отношений людей и животных (human-animal relations). Особенное внимание уделялось тому, как местные жители проводят различия между «дикими» и «домашними» оленями и с помощью каких способов выработывают у животных навык постоянного возвращения к людям. В ходе исследования был апробирован биографический метод. Биография есть не только у людей и материальных объектов [Kopytoff 1986], но и у животных. В рамках полевых исследований были задокументированы биографии оленей: события, связанные с конкретным оленем, его заболевания и травмы, как их лечили, какой у животного характер и как можно описать его физические черты. Материалы были собраны в сельском поселении Холодное Эвенкийское, а также на территории оленеводческих общин «Орон» и «Улуки».

Следует сказать несколько слов о деревне, в которой проводились исследования. Холодное расположено в 17 км от северного побережья Байкала в Северобайкальском районе Республики Бурятия. Эта деревня возникла как часть государственного проекта перехода «бродячих» эвенков к «оседлому образу жизни». Появилась она в конце 1920-х гг. на берегу реки Холодная (Няндаракан). В то время данное место уже активно использовалось местными эвенкийскими охотниками и оленеводами, а несколько первых домов построили там, где раньше стояло зимовье эвенка Савелия Шангина. Несколькими годами позже, весной 1933 г., Холодное становится центром эвенкийского колхоза «Вторая пятилетка» [Доколев 1957а, 1957б], переименованного в 1960-е годы в колхоз «Дружба». После развала советской системы и закрытия совхоза

«Северный» многие местные жители потеряли работу и добывали средства к существованию в основном за счет продажи рыбы и продуктов охоты, кедровых орехов и ягод. По данным сельской администрации на 1 июня 2012 г., в сельском поселении Холодное Эвенкийское, которое, кроме деревни Холодной, включает также поселки Душкачан и Туртуakit, проживало 436 человек, из которых 183 эвенка.

Если следовать классификации Г.М. Василевич [1964, 1969: 75–77], исторически оленеводство на Северном Байкале относилось к «эвенкийскому» типу, отличающемуся небольшими стадами. Согласно сообщению главы общины «Орон» Алексея Алексеевича Ганюгина, в дореволюционный период северобайкальские эвенки держали в своих стадах до 20 оленей, которых они использовали как транспорт на охоте. В советский период численность домашних оленей в стаде вырастает, т.к. во время коллективизации все маленькие частные стада были собраны в единое колхозное стадо. Во время работы Комплексной геологической экспедиции олени использовались для транспортировки оборудования и продуктов в удаленные от районного центра уголки Северобайкальского аймака, а многие колхозники работали каюрами.

В данный момент в Северобайкальском районе существует три оленеводческих хозяйства. Это общины «Улуки» и «Орон», а также семейная община братьев Плотниковых из Старого Уояна, которые в 2011 г. приобрели 10 оленей (5 важенок и 5 быков) в общине «Улуки». Пастбища общин «Орон» и «Улуки» расположены соответственно в 45 и 80 км от Холодного. Современная ситуация характеризуется стремительным уменьшением поголовья оленей. В 2010 г. в общине «Улуки» было около 600 оленей, в середине июля 2012 г. там оставалось уже 153 оленя, а к началу августа 2012 г. число животных сократилось до 118. В общине «Орон» наблюдается похожая ситуация: осенью 2007 г. там держали 43 оленя, в 2009 г. — 37 оленей [Харинский 2010: 19], а к середине августа 2012 г. осталось только 6 важенок.

В истории Северного Байкала это не первый случай падения численности оленей. Наибольшее падение численности наблюдалось в начале XX в. во время эпизоотий, в 1930-е годы во время насильственной коллективизации, в 1980-е годы во время строительства Байкало-Амурской магистрали и в начале 1990-х после закрытия совхоза «Северный». Следует заметить, что численность оленей всегда являлась объектом манипуляций, а данные местной и районной администрации не отражали точную динамику численности оленей. В советское время важно было показать тенденцию постоянного увеличения стада, поэтому иногда число оленей завышалось, а потери занижались, например, в районной газете писали, что удалось сохранить всех оленят во время отела, хотя, по словам информантов, потери были. Оленеводы из общины «Улуки» рассказывали, что раньше местные эвенки подсчет оленей не вели. Затем, в советское время, государственные органы стали требовать от них точ-

ных данных. В постсоветский период они также завышались для того, чтобы получать государственные дотации за важенок. Летом 2012 г. оленеводы общины «Улуки» вели подсчет оленей исключительно для оценки ущерба, который им нанесли волки. При этом информант Павел Черноев считал только быков и важенок и был удивлен, что я считал также телят. Он объяснял, что подсчитывать, сколько в стаде оленят, не стоит, так как «цыплят по осени считают». Тем не менее в 2012 г. убыль молодняка была слишком заметна. По словам оленевода Георгия Лекарева, в начале июля было примерно 40 оленят (точного числа он не знал). По моим наблюдениям, в середине июля их было уже только 14, а к началу августа их количество сократилось до 6.

БОРЬБА С ХИЩНИКАМИ

В качестве основной причины сокращения поголовья домашних оленей в Северобайкальском районе оленеводы называют рост популяции волков в последние годы. По словам местных жителей, в советское время возникла похожая проблема: «Волки резали оленей на Гасане. Тогда стадо пришлось перегнать в другое место». В качестве самого эффективного средства борьбы с волками местные жители называют использование отравляющих веществ. Однако это было запрещено в 1990-е годы, а старые запасы, сохранившиеся у некоторых охотников с советского времени, были быстро израсходованы.

В 2012 г. премия, которую давали за волчью шкуру в Северобайкальском районе, составляла 5 тыс. руб. По словам оленеводов, подобные премии не приводят к уменьшению популяции волков: для того чтобы на них охотиться, нужно обладать особым умением, а в районе нет профессиональных охотников на волков. Павел Черноев считает, что бороться с волками может помочь оптика ночного видения. В июле Павел поздно вечером и рано утром ходил и смотрел за стадом, выискивал волчьи следы. Если оленеводы в вечернее или ночное время замечали беспокойство в стаде, например когда олени начинали резко убежать, то они стреляли в воздух, чтобы напугать волков.

Оленеводы верят, что волк соревнуется с человеком и «не успокоится, пока не перережет все стадо». При этом волк часто убивает оленей не из-за того, что голоден: «Волк давит оленей и не ест. Потом опять давит и бросает». Охотники и оленеводы постоянно отслеживали направления миграции волков. Для них это были не абстрактные волки, а «волки, которые пришли с Чай», «волчица с Выселок» и «волки из Иркутской области». Оленевод Георгий Лекарев предположил, что уменьшение количества диких зверей в лесу связано с появлением волков, которые пришли в Бурятию с севера, спасаясь от пожаров: «По Холодной волков стало много. Зверья вообще не видать — разогнали все. Откуда-то они пришли. Горело где-то или чего ли?» Похожего мнения придерживался Павел Черноев, предположив, что миграция волков связана с пожарами.

Медведи также представляют потенциальную опасность для стада. Летом 2012 г. оленеводы несколько раз замечали следы медведя в непосредственной близости от стоянки. По их словам, медведь выходил на дорогу, принимался. Кроме того, они заметили, что он пытался грызть скелет оленя, зарезанного волком весной 2012 г., лежавший примерно в 700 м от стоянки. В 2011 г. медведя застрелили в непосредственной близости от дымокуров, в месте, где лежали спиленные оленьи рога. В августе 2009 г. я лично был свидетелем подобного случая, когда оленеводы «добыли» медведя прямо на месте стоянки на реке Номама, в нескольких метрах от дымокура. Согласно наблюдениям оленеводов, медведи часто выходят к местам, где лежат старые кости и рога.

Если олень был убит волком, люди его мясо в пищу не употребляют, но используют его как корм для собак и как приваду, когда ставят петлю на медведя (рис. 1). Мясо обычно хранят неподалеку от лагеря в холодном ручье, при-

Рис. 1. Павел Атолайнен ставит петлю на медведя. Июль 2012 г. Фото автора

давливая камнями. Чтобы использовать в качестве приманки на медведя мясо, его вместе с костями выдерживают в воде до того момента, когда оно начинает портиться и сильно пахнуть: «Медведь любит испорченное мясо, приходит на запах». Если удастся добыть волка, то его мясо также идет на наживку.

В июле 2012 г. охота на медведя не была удачной. По словам оленеводов, это был «очень хитрый медведь» и дважды сумел съесть наживку, отбросив петлю в сторону. В течение двух недель он бродил неподалеку и пугал стадо. О присутствии медведя и волков оленеводы узнавали по поведению животных — в случае опасности олени быстро бежали назад к дымокурам. Кроме того, присутствие медведя местные охотники замечают не только по следам и перевернутым камням, но и по особому запаху. Сигналом опасности также является лай собаки. Собак на стоянках держат на привязи, обычно будки для них ставят в местах с хорошим обзором.

Весной 2012 г. несколько оленей задрала рососоха: «Эта рососоха весной, когда олени спят, она подкрадывается, запрыгивает и грызет хребет. Здесь сколько она маток задавила. Теленка задавила. Потом затравила еще. Ходит, додает помаленьку этих маток». На нее ставили капкан, и она попалась, но ей удалось выдернуть лапу из капкана. После этого охотники отравили приваду. В результате отравили рососоху и бродившего неподалеку медведя: «В бинокль смотрю, а потом смотрю — медведь выходит. А он после меня пришел, утащил приваду и тоже отравился. И они <олени> там <на реке Чая> спокойно отелились. Сюда <стоянка в устье реки Номама> пришли и волки их стали давить». Большую опасность для маленьких оленят представляют также коршуны.

ЛАНДШАФТЫ ОЛЕНЕВОДСТВА

На Северном Байкале оленеводы используют летние и зимние пастбища. В общине «Улуки» зимой оленей держат в долине реки Чая, там же начинается отел, затем весной постепенно перемещаются к реке Номама, а в период гона олени могут уходить к верховьям реки Холодная. В данном случае расстояние между зимними и летними пастбищами составляет не более 10–15 км, что позволяет оленеводам постоянно возвращаться на охотничьи базы на р. Чая и р. Номама за продуктами. Оленей специально не перегоняют, они «сами переходят с места на место», причем, по словам оленевода Георгия Лекарева, «самое большее после отела — пять дней на одном месте кормишь». До 2010 г. олени иногда возвращались в августе в долину реки Чая, в те места, где они были весной. В августе в этих местах бывает много грибов, которые едят олени, поэтому стадо обычно уходило вниз по реке Чае на 10–15 дней, а потом возвращалось. Согласно информанту Павлу Черноеву, с 2010 г. олени перестали ходить туда в августе. В советское время, чтобы избежать истощения пастбищ, практиковалось разделение стада. Сейчас, по словам Павла Черноева, оленеводы специально стадо не разделяют: «Когда начинаются грибы, они

<олени> бегают от одной стоянки к другой. Часть может убежать к Сараяу, а часть остается на Юрте. Мы специально ничего не делаем. Они сами разделяются».

Местные оленеводы прагматически подходят к использованию ландшафта. Например, по словам старейшей жительницы Холодного Паны Платоновой, раньше эвенки не сооружали загонов для оленей: в долинах горных рек в этом не было необходимости. Движения оленей сдерживали не специальные конструкции, а склоны гор. Местные жители употребляют специальный термин для обозначения долины горной реки, обрамленной двумя хребтами, — «узкое место». В такой долине легко было уследить, в каком направлении ушли олени. Одно из таких «узких» мест, расположенное в верховьях реки Гасан-Дякит, использовалось в качестве пастбища оленеводами в послевоенный период.

Ландшафт и его особенности — неотъемлемая часть знаний местных оленеводов. Есть места, которые «притягивают» оленей в определенное время года. Например, летом олени часто спасаются от мошки на наледях с каменными россыпями по берегам рек. Местные жители называют такие места амнундами (эвенк. *амнунда*). На некоторых амнундах лед может сохраняться до начала августа (рис. 2). Рядом со льдом нет мошки, поэтому в дневное время олени иногда собираются на амнундах: «На амнундах вообще нет комаров,

Рис. 2. Домашние олени общины «Улуки» на амнунде. Июль 2012 г. Фото автора

обдувает, холодно». Снег летом сохраняется также высоко в горах. Снежники в гольцах местные жители именуют иманданами. Название происходит от эвенкийского слова *иманда*, что означает «снег». В этих местах в летний период дикие олени, спасаясь от мошки, легко могут стать добычей охотников: «Летом они ходят по гольцам, по ключам, по чистым местам, где есть обдувка. А так-то они в горах ходят».

Выбор места для стоянки (эвенк. *бикит*) обусловлен рядом причин. Во-первых, это место должно хорошо просматриваться. Для оленеводов чрезвычайно важно знать, в каком направлении ушли олени. По этой причине зимний охотничий домик (зимовье) рядом с устьем реки Номама имел не одно окно, как обычно, а три в разных стенах, что позволяло лучше отслеживать направления движения животных, находясь в помещении. Второй важный момент — место должно быть открытым и хорошо продуваться. Оленеводы всегда старались выбирать для стоянок хорошо продуваемые места. Олени постоянно возвращаются в такие места, для того чтобы спастись от мошки. По словам жительницы Холодного Любви Башкировой, раньше, когда еще не было деревни на берегу реки Холодная, эвенки не выходили с оленями к деревне Душкачан, расположенной в 8 км от устья реки Холодной. Они обычно оставляли оленей на берегу реки и шли в село Душкачан. По ее словам, связано это с тем, что Душкачан находится в менее ветреном месте: «Вот даже сейчас ребята приезжают: там нет ветра, а здесь дует!» Сами жители называют Холодную «деревней на семи ветрах». Уходя с хорошо продуваемого места, олени могут быстро возвращаться назад, это связано с тем, что ветер дует не везде. Таким образом, для оленеводов было важно именно наличие сочетания продуваемых и безветренных мест, а ветер заставлял оленей держаться определенной местности. Однако в случае, если ветер очень сильный, олени обычно уходят с этого места, т.к. нет мошки. Еще один важный момент, который называли оленеводы, — это наличие воды поблизости. Как сказал Аркадий Петрович Лекарев: «Не будешь же бегать за водой далеко от места, где ты остановился!» Поэтом стоянки организовывали либо на берегу реки или ручья, либо рядом с озером.

Обычно за оленями в общине «Улуки» следят два человека, они никогда не оставляют оленей одних надолго. В 1990 г. с весны до осени оленеводы пользовались переносной палаткой. Позднее в местах, где они останавливаются на относительно продолжительный период времени, оленеводы стали строить стационарные конструкции. В 2000 г. на стоянке на реке Чая соорудили небольшое строение для ночевки, которое назвали сараем (рис. 3). Теперь и саму стоянку называют Сарай. Павел Черноев прокомментировал это так: «Зимовье ставить не стали. Каждый раз зимовье ставить будешь, там деревня будет!» Данная стоянка использовалась весной, в мае, когда перемещались из долины реки Чая на Номаму, и осенью, когда двигались в обратном направле-

Рис. 3. Сарай на стоянке оленеводов на р. Чая. Июль 2012 г. Фото автора

нии. Такую стоянку, которая находится на пути от одного места к другому и где долго не задерживаются, оленеводы называют проходной. На летней стоянке рядом с амнундой на реке Номама оленеводы проводят несколько месяцев. С 2006 по 2010 г. летом оленеводы жили в этом месте в коническом корьевом жилище, которое местные жители называют *юрта* или *аран* (эвенк.). Слово «чум» местные жители не употребляют, т.к. у них оно вызывает негативные ассоциации со словом «чума». В 2010 г. в этом месте, неподалеку от юрты, было построено зимовье (рис. 4). Его стали использовать для ночевки, а в юрте иногда готовили пищу на железной печке, хранили вещи и продукты. Весной и зимой оленеводы продолжали жить в палатке. Например, осенью 2011 г. Георгий Лекарев использовал палатку с начала октября в течение двух недель, когда олени уходили в верховья реки Холодная.

ПРАКТИКИ «ОДОМАШНИВАНИЯ» ОЛЕНЕЙ

Разделение на «дикое» и «домашнее» не является однозначным и зависит от того, как будет интерпретировано понятие «дом». По словам информантки Любови Башкировой, эвенки-олeneводы понимали под «диким» и «домашним» не совсем то, что понимают приезжие русские: «Важно разобраться в том, что мы понимаем под “диким”». Для меня домашнее животное — это корова. Она живет рядом с домом, для нее нужно заготавливать сено. Олень —

Рис. 4. Корьевая юрта и зимовье. Стоянка на р. Номама. Июль 2012 г. Фото автора

это не домашнее животное. Он перемещается там, где есть ягель». Потом она добавила: «Олень — это скорее дикое животное, только привыкло к человеку». В этом смысле «дикое» и «домашнее» — это не статичные категории, они отражают процесс. Одомашнивание оленя — это длительный процесс. Чтобы олень был «домашним», его нужно постоянно «одомашнивать». Самое важное при этом для оленевода — приучить оленей возвращаться в одну и ту же точку. Оленеводы выработали специальные техники «привязывания» оленя к месту. Для этого применяются следующие стратегии: использование дымокуров в летний период, подкармливание солью, привязывание к колышкам и столбам. Местные оленеводы утверждают, если не поддерживать дымокуров и не подкармливать оленей солью, то они могут быстро одичать.

Летом в безветренную и сухую погоду олени постоянно возвращаются к дымокурам. Они могут находиться у дымокуров с утра до вечера, иногда делая небольшие круги в поисках травы, ягеля и листьев на кустах. Если много мошки и оводов, они быстро возвращаются. Когда в общине «Улуки» было около 600 оленей, то использовали четыре дымокура. Летом 2012 г. разжигали только один-два дымокура. Топливо для дымокуров берут неподалеку. Чтобы соорудить дымокур, сначала необходимо вырыть небольшую ямку, положить в центр два сырых полена, накрыть их еловыми ветками, разжечь и затем накрыть торфяной кочкой со мхом. Важно следить за дымокуром, чтобы костер

Рис. 5. Оленевод Георгий Лекарев с олененком на фоне дымокура. Стоянка на р. Номама. Июль 2012 г. Фото автора

не потух, а также чтобы не было открытого огня. Для большего дыма мох должен быть влажным. Если мох сухой, то костер может разгореться и обжечь стоящих рядом оленей. В конце июля 2012 г. был случай, когда белый олененок обжег шкуру, расположившись рядом с открытым огнем. Для того чтобы олени не наступали на костер, ставится специальная тренога из бревен (рис. 5). Обычно оленеводы проверяют дымокуры с периодичностью примерно раз в час, шевелят поленья или, если есть необходимость, подкладывают новое топливо. По словам Павла Атолайнена, работавшего летом 2012 г. оленеводом в общине «Улуки», нужно следить за тем, чтобы топливо не сгорало быстро, иначе придется часто ходить в лес за ветками, дровами и в болото за мхом. Обычно раз в несколько дней оленеводы делают запас кочек со мхом, веток и дров, складывая топливо неподалеку от дымокуров. Для того чтобы кочки не теряли влагу, их накрывали листом рубероида. Для удобства ношения кочек оленеводы из общины «Улуки» соорудили из металлического листа и двух досок специальную переноску (рис. 6).

Павел Атолайнен обратил мое внимание на то, что в безветренную погоду олени интенсивно кружатся вокруг дымокура, а если дует небольшой ветер, они могут спокойно лежать рядом с ним. Он прокомментировал это следующим образом: «С помощью круговых движений олени создают для себя ве-

Рис. 6. Самодельная переноска. Стоянка на р. Номама. Июль 2012 г. Фото автора

тер, и дым лучше распространяется вокруг. Тогда их меньше кусает мошка». По словам оленеводов, именно мошка заставляет оленей возвращаться к человеку. Человек и олень выступают как партнеры [Vitebsky 2005]. Если бы мошки не было совсем, то оленей трудно было бы удержать рядом с человеком в летнее время. Когда поднимается мошка, олени возвращаются к дымокурам.

Как говорят оленеводы, только домашние олени «приучены брать соль у человека с рук и постоянно возвращаются к человеку». Соль оленям дают с рук, а также насыпают в специальные деревянные кормушки (рис. 7) или на имеющиеся на стоянке пни. Георгий Лекарев утверждал, что, когда работал оленеводом в Среднем Каларе, там кормушки не использовали, а сыпали соль на находящиеся на поверхности корни деревьев.

Рядом с дымокурами на берегу реки Номама летом 2012 г. находилось 17 колышков для привязывания оленят, соответственно, самое большое количество одновременно привязанных оленят в 2012 г. было 17. По словам Георгия Лекарева, в мае–июне к колышкам привязывали часть молодых оленят. Это заставляло важенок постоянно к ним возвращаться (рис. 8). Потом на короткое время отпускали телят, а важенка оставалась привязанной. По словам оленеводов, олени, которых привязывали, становились менее дикими. Похожую стратегию Георгий Лекарев применял и раньше, работая в общине «Орон»: «...по очереди привязывал, ночью маток привязывал, днем — телят. А потом я ушел отсюда. А они <олeneводы, работающие в общине> вообще не привязывают».

К началу июля телят уже не привязывают к колышкам, т.к. увеличивается количество мошки и оводов (паутов). В июле и августе привязывали только

Рис. 7. Олени у деревянных кормушек с солью. Стоянка на р. Номама.
Июль 2012 г. Фото автора

Рис. 8. Важенка кормит привязанного олененка. Стоянка на р. Номама.
Лето 2012 г. Фото автора

Рис. 9. «Эвенкийский рюкзак» — поняга. Стоянка на р. Номама.
Июль 2012 г. Фото автора

повредивших копыта или травмированных волком телят и оленей. Если животное привязывали больше чем на сутки, необходимо было носить ему воду, ягель и ветки. Поскольку ягельники в непосредственной близости от дымокуров были истощенными, то оленеводам приходилось приносить ягель в мешках на заплечной дощечке для ношения тяжестей (эвенк. *поняга*) (рис. 9) из мест, расположенных в 1–2 км от дымокуров. Сырые и сухие дрова также приносили на поняге. Сырые дрова были необходимы для поддержания дымокуров, сухие использовались для приготовления пищи на костре и отопления зимовья. При сравнительной простоте изготовления поняги служат их хозяевам по многу лет, считается, что поняга может быть «фартовой», приносить удачу на охоте. Георгий Лекарев очень бережно относится к своей поняге, которую он сделал, работая в общине «Орон»: «Поняга у меня боевая. Как фанеру нашел на Перевале в 2002 г., так и хожу с ней!» В 1990-е — начале 2000-х годов в зимнее время для перевозки грузов оленеводы использовали нарты. Иногда на оленях завозили продукты на зимовья и вывозили мясо. Для этого Георгий Лекарев специально обучал оленей. В последние годы оленеводы завозят продукты на снегоходах. Сейчас в стадах не осталось ни одного оленя, обученного возить грузы. В общине «Орон» нарты хранятся в специальном сарае (рис. 10), а в общине «Улуки» — под крышей на базовом зимовье и несколько лет не используются.

Рис. 10. Алексей Попов показывает нарту. Центральная база общины «Орон». Август 2012 г. Фото автора

По словам Георгия Лекарева, у каждого оленя «есть свое лицо». В интервью он употреблял именно слово «лицо», а не «морда»: «Это для приезжих они все выглядят одинаково. Но я вижу, что у них у всех лица разные». Кроме того, Георгий говорил, что по взгляду оленя сразу может определить больного животное: «У больных оленей глаза какие-то грустные. Словно сказать что-то хотят». Олени воспринимаются как «личности нечеловеческой природы» (other than human persons) [Hallowell 1960]. Павел Атолайнен сказал, что олени боятся резких движений, могут убежать от человека, но привыкают к человеческой речи. Чтобы они не боялись, с ними нужно разговаривать. По моим наблюдениям, как только Павел Атолайнен подходил к оленям, он сразу начинал с ними разговаривать. Например, когда он приносил ветки или ягель привязанному олененку, говорил: «Все! Обед. Кушай, кушай!» Павел уверен, что олени узнают человека по голосу.

Когда олени летом 2012 г. возвращались раненые, они не пытались убежать от человека. В этом случае всю вину оленеводы пытались навязать самому оленю. Когда оленям смазывали раны, я много раз слышал, как Павел Атолайнен или Павел Черноев говорили: «Больно, да? Терпи, если жить хочешь. Сам виноват. Нечего ходить, где попало. Зачем шарился по кустам?» Таким образом, ответственность за происшествия возлагалась не на оленеводов и волков, а на самих оленей.

Рис. 11. Павел Атолайнен обрабатывает рану олененку. Стоянка на р. Номама. Июль 2012 г. Фото автора

Раньше эвенки лечили оленей теми же лекарственными средствами, что и людей. Среди местных жителей ценится лекарственное растение, которое называют *янда* (лат. *Gentiana algida*), что в переводе означает «горная трава». Это растение считается в Холодном универсальным лекарством. Пана Платонова рассказывала, что раньше больных оленят лечили отваром янды. Во время полевой работы в 2012 г. оленеводы пытались лечить раненых волками оленей в ситуации дефицита медикаментов тем, что было под рукой: раствор марганцовки, деготь, мазь «Левомиколь», раны также смазывали соляжкой и солидолом (рис. 11).

В 2007–2009 гг. все олени в общине «Орон» и большое количество оленей в общине «Улуки» имели клички. Работая в поле в те годы, я обратил внимание на то, что клички оленей часто повторяли имена и прозвища жителей деревни. Оленеводы часто называли оленей именами знакомых им людей, находя внешнее сходство или сходство в манере поведения оленя и конкретного человека. В 2012 г. ситуация сильно изменилась: многие олени оказались безымянными, оленеводы не знали их биографий, клички же были только у оленят. Связано это было с конфликтными ситуациями в общинах, в результате чего произошла «ротация кадров». Оленеводы из общины «Улуки» перешли работать в «Орон» и наоборот. Каждая из сторон называла свои причины ухода в другую общину:

«отсутствие хорошего снабжения», «личный конфликт», «претензии со стороны главы общины на выручку от продажи соболиных шкур», «распитие алкоголя вместо работы». В результате такого перехода людей из одной общины в другую «переместилось» и знание. Оленеводы как будто «забрали клички с собой», а, соответственно, для оставшихся в общине людей произошла реактуализация знания: они не хотели помнить клички, которые когда-то использовал по отношению к «их оленям» «неблагодарный наемный работник».

Оленеводы допускали в случае примирения возможность возврата на старое место работы. В качестве основной проблемы оленеводов в общине «Улуки» Георгий Лекарев называет отсутствие общения. По его словам, на новом месте он «устал от одиночества». Когда он работал в «Ороне» на Перевале, там ему приходилось общаться с большим количеством людей: это и охотники, которые заезжали на участок, и рабочие Холоднинского горно-обогатительного комбината, которых местные жители называют «гоковцами». Пастбища же общины «Улуки» находятся в стороне от маршрутов охотников, поэтому их посещает меньше людей, чем центральную базу «Орона».

В общине «Орон» в 2012 г. меня поразило тот факт, что только одна важенок из шести имела кличку. Связано это с тем, что оленеводы лично не принимали отел и не чувствуют себя собственниками животных. Фактически они считают, что следят за оленями, принадлежащими главе общины. Оленевод Алексей Тулбуконов прокомментировал это так: «Пока не было необходимости как-то называть оленей. Всегда можно дать кличку, если нужно будет». Кроме того, по словам Павла Черноева, многие олени, которые раньше имели клички, погибли от ран, нанесенных волками, или исчезли: «Олень Утолкан исчез в том году. Так и не нашли».

В 2012 г., работая в общине «Улуки», Георгий Лекарев дал клички только оленятам, которых он привязывал к колышкам. Это были либо клички, повторяющие фамилию или прозвище конкретного человека в деревне, например Букидайка, либо отражающие физические характеристики олененка: Пестрый, Рыжик (Рыжий). Одного из оленят назвали Чулок, так как он был черный с белыми ножками. Иногда у оленят было несколько вариантов клички. Например, олененка по кличке Букидайка, которая происходит от фамилии Букидаевы, Георгий называл также Раскосая и Буроглазка. Кличку он дал за особый разрез глаз, который напоминал ему знакомую женщину по фамилии Букидаева.

Олени обычно ходят не стадом, а разбредаются небольшими группами по 10–40 голов. Если олени уходят от дымокуров небольшими группами, то оленеводы пытаются отследить, в каком направлении ушла каждая группа. Для контроля движения оленей на важенок или кастратов (эвенк. *гилго*) вешают колокольчик — *ботал* (эвенк.). По звуку колокольчика определяют, что олени вернулись к дымокурам или направление, куда пошли олени. В качестве вожака с боталом выбирают спокойных важенок или кастратов. В 2009 г. в стаде

было четыре кастрата, в середине июля 2012 г. оставался только один, а к началу августа все кастрированные олени были зарезаны волками. Летом 2012 г. в стаде только две важеньки были с боталом.

Нужно также постоянно наблюдать за движением оленей осенью в период гона, т.к. дикие быки часто уводят домашних важенок за собой, и те могут не вернуться к человеку. Осенью во время гона домашние олени в общинах «Орон» и «Улуки» могут использоваться для того, чтобы подманивать диких [Харинский 2010: 191]. Местные жители описывают диких (эвенк. *баюн*) оленей как более крупных, по сравнению с домашними (эвенк. *орон*). Признаком дикого оленя считаются горбатый нос и удлиненная морда. Осенью у баюна толстеет шея и кожа, поэтому шкуру добытых осенью диких оленей сложно обрабатывать. Георгий Лекарев собирался летом 2012 г. сделать из шкуры дикого оленя аркан (эвекг. *маут*): «Я кое-как скребил его. Яха <Яков Черноев> притащил шкуру. Я замочил на неделю в бочке с водой. Но июнь-то был весь холодный. Маут хотел сделать из него. Но его вдвоем нужно делать — кожу нужно нарезать, растянуть и скрутить».

В августе перед наступлением гона быкам спиливают острые концы рогов, чтобы они не повредили друг друга в борьбе за самок (рис. 12). Во время гона опасность для домашних оленей представляют дикие быки из-за больших и острых рогов. Бывают случаи, когда домашние олени погибают от рогов ди-

Рис. 12. Оленеводы пилят рога быку. Август 2009 г. Фото автора

ких. Иногда дикие олени во время гона уводят важенок за собой. Оленеводы признают тот факт, что часть оленят в стаде рождается от дикого оленя. Оленят, рожденных от домашней важеньки и дикого быка, оленеводы называют баюнчуканами (эвенк. *бэюнчекан*), или оленятами «баюнчей породы». По наблюдениям Георгия Лекарева, в 2012 г. многие из рожденных в мае («майских») оленят были баюнчуканами, причем они были довольно сильными. Георгий утверждает, что «самыми сильными являются оленята, рожденные в апреле и мае, а те, которые рождаются в июне, обычно не выживают».

Местные оленеводы определяют баюнчуканов как по поведению, так и по внешним признакам. Признаками происхождения от дикого оленя считается нос с горбинкой и длинные тонкие ноги, а также «диковатый» характер. Одна из важенок общины получила кличку Горбоносая, что говорит о ее происхождении от дикого оленя (рис. 13). В этом случае кличка служит рационализации контроля. Горбоносая являлась тем оленем, на которого необходимо

Рис. 13. Важенька по кличке Горбоносая. Центральная база общины «Орон». Август 2012 г. Фото автора

обращать особое внимание в силу ее родства с диким оленем, а кличка позволяла оленеводам между собой передавать необходимую информацию. Некоторые оленеводы утверждали, что если приручать олененка, который родился от домашней важенки и дикого оленя, то он может стать «полностью домашним» и не будет отличаться от других домашних оленей.

По результатам полевых исследований можно прийти к выводу, что сейчас оленеводство на Севере Бурятии находится на грани исчезновения. Потери оленей являются катастрофическими. У молодежи отсутствует мотивация работать в данной области. Работающие в общинах оленеводы не получают официальной зарплаты. Община обеспечивает им только одежду и продукты. Если оленеводы также занимаются охотой, то в этом случае предполагается, что они получают только часть дохода от продажи шкур, а часть остается у главы общины. Государственные дотации и льготы должны быть адресными — их должны получать люди, непосредственно работающие с оленями. Для многих представителей администрации отрасль оленеводства — это просто набор цифр, фигурирующих в документах. Однако эти цифры не отражают реального положения вещей. В данный момент ключевой является проблема сохранения стада. Для этого необходимо усовершенствование методов борьбы с хищниками. В качестве возможного решения обсуждается проект закупки и транспортировки оленей из соседних регионов. В сложившейся ситуации положительных результатов можно будет добиться только совместными усилиями местных жителей и администрации.

Источники

Доколев В. Эвенкийский колхоз имени «Вторая пятилетка», рукопись, 1957а // Фонд Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. № 8735-1.

Библиография

Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири): доклад на VII Междунар. конгрессе антроп. и этногр. наук. М., 1964.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969.

Доколев В. О создании колхоза «2-я пятилетка» // Красный Байкалец. 1957б. 23 июня. № 75 (1959). С. 1–2.

Харинский А.В. Жилище северобайкальских эвенков-оленеводов: этноархеологический анализ // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Казань, 2010. Ч. 1. С. 190–194.

Hallowell A.I. Ojibwa Ontology, Behavior and World View / ed. S. Diamond // Culture in History: Essays in Honor of Paul Radin. N. Y.: Columbia University Press, 1960. P. 17–49.

Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commodification as Process / ed. A. Appadurai // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–91.

Vitebsky P. Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia. L.: Harper Perennial, 2005.